

АЛЕКСАНДРА ВЕТРОВА

В объятиях
джигита

Лезгинка моего сердца

Александра Ветрова

В объятиях джигита.

Лезгинка моего сердца

<https://litres.ru/74220262>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она приехала в дагестанский аул, чтобы рисовать горы. Он танцевал лезгинку так, что сжигал сердца всех горянок. Между ними вспыхнула страсть, неподвластная времени и обычаям. Но древний кодекс кровной мести, гнев отца-старейшины и сосватанная невеста встают на пути их любви. Алина должна доказать, что её чувства сильнее вековых устоев, а Тимуру предстоит выбрать между честью рода и зовом сердца. Смогут ли они переписать судьбу или их танец станет последним? Роман о любви, которая не боится гор, боли и самой смерти.

Содержание

Глава 1. Горная дорога	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александра Ветрова

В объятиях джигита.

Лезгинка моего сердца

Глава 1. Горная дорога

Алина никогда не думала, что дорога может быть настолько живой. Она извивалась, как змея, карабкалась вверх по склонам, пряталась в тени скал и вдруг выныривала на солнечные поляны, заставляя её зажмуриваться от внезапного света. Автобус, старый и дребезжащий, казалось, знал каждую кочку на этом пути, каждую трещину в асфальте, и подпрыгивал на них с какой-то зловещей радостью.

Девушка прижалась лбом к прохладному стеклу, глядя, как мимо проплывают горы. Они были везде. Они дышали. Они смотрели на неё тысячелетними глазами, и от этого взгляда становилось одновременно страшно и торжественно. Алина выдохнула на стекло, и когда оно запотело, пальцем нарисовала на нём маленькое сердце. Сердце, которое уехало из Москвы вместе с ней.

— До Цудахара ещё два часа, - сказал водитель, поправляя зеркало заднего вида. Его голос был хриплым, пропитанным табачным дымом и горным воздухом. - Вы оттуда,

из столицы? Художница?

Алина кивнула, поправляя ремешок холщовой сумки, в которой лежали её этюдники и кисти. В сумке также покоилась папка с выцветшими фотографиями её матери, той самой, что родилась в этом ауле и уехала в Москву ещё девочкой. Алина никогда не видела этих мест своими глазами, только на старых снимках, на которых мама была молодой и смеялась, а горы за её спиной казались нарисованными на фоне неба.

— Одна едете? - удивился водитель. - Опасное дело, особенно для такой красивой девушки. У нас тут волки, знаете, по ночам выходят. И не только волки.

Он хитро прищурился, показывая золотой зуб, и Алина невольно улыбнулась. В этой улыбке было что-то от деда, который дразнит внучку, зная, что она всё равно будет делать по-своему.

— Я боюсь только пауков, - ответила она, и это было почти правдой. Почти. Она не добавила, что на самом деле боится пустоты в своей душе, которая образовалась после того, как мама ушла. Ушла туда, откуда не возвращаются.

Алина снова отвернулась к окну. Горы становились всё ближе, и теперь она могла разглядеть на их склонах маленькие домики, которые казались игрушечными издали. Кое-где среди скал вились нити водопадов, и в солнечном свете они сверкали, словно кто-то разбросал там алмазную пыль. Пахло травами - сладковатый аромат чабреца смешивался

с резким запахом горькой полыни. Этот запах она запомнит навсегда, потому что именно с него начиналась её новая жизнь.

Автобус остановился на небольшой площадке, где стояли несколько таких же стареньких машин и сидели старушки в длинных платках, перебирая тыквы и связки острого перца. Водитель вышел покурить, оставив Алину одну. Она тоже вышла, разминая затёкшие ноги, и сделала несколько шагов в сторону обрыва.

Внизу, в долине, текла река. Она была бирюзовой, как глаз восточной красавицы, и Алина подумала, что такой оттенок не смогла бы передать даже самая дорогая краска. Это была та красота, которую можно только пытаться повторить, зная, что никогда не достигнешь совершенства. Именно это и привлекало её в живописи - вечная погоня за неуловимым.

— Эй, девушка! - окликнул её водитель. - Осторожнее там! Обрыв коварный.

Она отошла от края и заметила, что на площадке появился новый человек. Высокий, широкоплечий, одетый в белую рубашку с расстёгнутым воротом, он стоял, прислонившись к джипу, и смотрел на неё. Но не так, как смотрели местные мужчины - с любопытством, смешанным с оценкой. Нет, он смотрел так, будто узнавал её. Будто ждал.

Алина почувствовала, как по спине пробежал холодок, и поспешила вернуться в автобус. Сердце стучало где-то в горле, и она не могла понять, то ли это от страха, то ли от того

странного чувства, когда время словно останавливается.

Автобус тронулся, и когда они проезжали мимо джипа, Алина мельком увидела лицо того мужчины. Острое, смуглое, с высокими скулами и глазами, которые казались почти чёрными. Он чуть приподнял уголок губ в улыбке, и эта улыбка была опасной. Как лезвие кинжала.

— Кто это? - вырвалось у Алины прежде, чем она успела подумать.

Водитель усмехнулся в зеркало заднего вида.

— А это наш джигит, Тимур-бек. Сын самого Усмана из Цудахара. Говорят, на нём весь аул держится. Но не дай бог перейти ему дорогу... особенно в любви.

Алина закусила губу и снова посмотрела в окно, но джип уже скрылся за поворотом, оставив лишь облачко пыли.

Дорога стала ещё уже, автобус петлял между скалами, и девушка чувствовала, как её внутреннее напряжение растёт с каждым метром. Она приехала сюда, чтобы рисовать горы. Чтобы понять, где выросла её мама. Чтобы найти ответ на вопрос, который мучил её с детства - что заставило ту уехать и никогда не возвращаться?

А может быть, она приехала, чтобы встретить свою судьбу. Таковую же дикую и неприручаемую, как эти горы.

Когда они наконец въехали в Цудахар, солнце клонилось к закату, и аул купался в золотистом свете, от которого у Алины перехватило дыхание. Каменные дома лепились друг к другу, словно пытаясь согреться в этом суровом краю. Узкие

улучки поднимались в гору, и на каждой из них сидели старики, курившие трубки и провожающие автобус внимательными взглядами.

Автобус остановился у небольшой площади, где стоял старый платан, раскинувший свои ветви так широко, что они закрывали полнеба. Под деревом толпился народ, и Алина поняла, что сегодня здесь какой-то праздник. Или подготовка к нему.

Она вышла из автобуса, сжимая в руках сумку, и огляделась. Где-то здесь должна была ждать её тётя Патимат, сестра матери, с которой они договорились о ночлеге. Но вокруг были только незнакомые лица.

И вдруг музыка! Резкая, зажигательная, она разорвала вечернюю тишину, и Алина повернулась на звук. На площади, прямо под платаном, собрался круг людей, а в центре его плясал тот самый мужчина из джипа.

Тимур танцевал лезгинку.

Это было не просто танцевальное движение. Это был разговор с небом. С землёй. С самим ветром. Он двигался так, будто его тело не подчинялось законам физики, будто оно было соткано из огня и воздуха. Руки взлетали вверх, словно он хотел коснуться облаков, ноги выбивали дробь, и каждый удар его подошвы о камни отзывался эхом в сердце Алины.

Она стояла, не дыша, и не могла отвести взгляд. Она видела, как женщины в нарядных платьях бросают ему платки, а он подхватывает их на лету, и в каждом его жесте была та-

кая мужская сила, такая власть, что у девушки подкашивались колени.

А потом он посмотрел на неё.

Их взгляды встретились через всю площадь, через толпу танцующих, через закатный свет, который окрашивал его лицо в медные тона. Он улыбнулся ей - той же опасной улыбкой, которую она видела на площадке, - и приложил руку к сердцу.

Алина почувствовала, как мир вокруг неё исчез. Не было ни автобуса, ни площади, ни криков зрителей. Был только он. И его танец. И это странное, пугающее ощущение, что она знала его тысячу лет.

Когда музыка стихла, Тимур поклонился публике и, не сводя глаз с Алины, пошёл прямо к ней. Люди расступались перед ним, как море перед кораблём, и девушка чувствовала, как её бросает то в жар, то в холод.

— Ты та самая московская художница, которая будет рисовать наши горы? - спросил он, остановившись в шаге от неё. Голос у него оказался низким, с лёгкой хрипотцой, и от него по телу пробегали мурашки.

— Откуда ты знаешь? - выдавила она, и голос её прозвучал хрипло, словно она не пользовалась им несколько дней.

— Аул знает всё, - усмехнулся он. - И особенно то, что касается красивых девушек. Но... - он наклонился к ней так близко, что она почувствовала запах его кожи - горьковатый, с нотками табака и горного ветра, - ...я знаю больше. Я знал,

что ты приедешь. Ждал.

Алина сделала шаг назад, натываясь спиной на ствол платана. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот вырвется из груди.

— Ты меня не знаешь, - прошептала она.

Тимур взял её руку, и его пальцы, горячие и сильные, сжали её ладонь. Он перевернул её руку ладонью вверх и поцеловал в центр, туда, где билась маленькая голубая жилка.

— Теперь знаю, - сказал он. - Я узнал тебя в тот миг, когда увидел. Ты - та, кого я искал. И не важно, как тебя зовут. Потому что наша история только начинается, Алина.

Она замерла. Он знал её имя.

— Как... - начала было она, но он приложил палец к её губам.

— Тсс, - прошептал он. - Не спрашивай. Просто позволь себе поверить, что в этом мире есть вещи, которые сильнее разума. Сильнее обычаев. Сильнее всего, что нас разделяет.

И в этот момент раздался громкий окрик, от которого Тимур мгновенно выпрямился и отступил на шаг. К ним приближался старик с седой бородой, одетый в черкеску, с кинжалом на поясе. Его глаза горели гневом, и Алина инстинктивно почувствовала страх.

— Тимур! - крикнул старик. - Это что ещё за девка? Ты забыл, что через неделю твоя свадьба с дочерью Хаджи? Срам! При всех!

Тимур склонил голову, но в его глазах не было покорно-

сти.

— Отец, - сказал он, и голос его звучал твёрдо. - Свадьба будет. Но не та, о которой ты думаешь.

Старик взмахнул рукой, и на его запястье блеснул тяжёлый золотой браслет.

— Молчи! Ты опозоришь весь род! А эту... - он перевёл взгляд на Алину с такой ненавистью, что у неё похолодело внутри. - Эту чужачку я не хочу видеть в нашем ауле. Завтра же уезжай, слышишь?

Алина хотела что-то сказать, но слова застряли в горле. Она чувствовала на себе взгляды сотен людей, которые столпились вокруг. Она видела в этих взглядах осуждение, любопытство, а иногда - сочувствие. Но силы говорить не было.

Только Тимур, стоявший рядом, смотрел на неё с такой нежностью, что в глазах защипало. Он шагнул к ней ближе и, не обращая внимания на крики отца, прошептал:

— Приходи завтра к водопаду. Утром. Там, где камни красные. Я покажу тебе горы, о которых ты даже не мечтала. И никто, слышишь, никто не сможет нам помешать.

— Но твой отец... - прошептала она.

Тимур усмехнулся, и в этой усмешке было столько удали, столько гордой силы, что Алина почувствовала, как внутри неё разливается тепло.

— Мой отец всего лишь человек, - сказал он. - А я... я джигит. И когда я танцую, даже горы слушаются меня. Придёшь?

Она кивнула, не в силах произнести ни слова.

Тимур коснулся её плеча, и это прикосновение обожгло, оставив след, который, как она знала, не исчезнет никогда.

А потом он развернулся и пошёл прочь, под гневный ропот отца и шепот толпы. Но Алина видела, как он идёт, - свободно, гордо, словно весь этот мир принадлежал ему одному.

Девушка стояла под платаном, и закатное солнце окрашивало всё вокруг в красный цвет. В красный - как кровь, которая, возможно, прольётся, если они посмеют любить друг друга.

"Что же я наделала?" - пронеслось у неё в голове. Но в душе звучала музыка, та самая, под которую танцевал Тимур, и эта музыка говорила ей: "Останься. Борись. Верь".

И она верила.

Она верила, несмотря на крики отца, несмотря на взгляды толпы, несмотря на то, что знала - любовь к джигиту может стоить жизни.

Но разве не для того она приехала в эти горы? Чтобы найти то, что стоит потерять всё?

Алина сжала в руке сумку с кистями и сделала шаг в ту сторону, куда ушёл Тимур. Вечерний ветер коснулся её волос, и ей показалось, что она слышит его голос, зовущий её за собой.

И она пошла в неизвестность.

В горы.

В объятия джигита, которого видела всего лишь час назад,

но которого, казалось, ждала всю жизнь.

Площадь опустела. Люди расходились по домам, обсуждая случившееся, и от их шепота по спине Алины бегали мурашки. Она стояла одна под платаном, и листья на нём шумели, будто перешёптывались между собой.

— Алина! - раздался звонкий женский голос, и девушка обернулась.

К ней бежала женщина лет пятидесяти, полная, с добрым круглым лицом и платком, завязанным на затылке. Она смешно отмахивалась руками, будто отгоняла мух, и на ходу кричала:

— Прости, прости, дорогая! Задержалась на кухне, не знала, когда твой автобус придёт! Ты, наверное, уже думала, что я не приду?

Тётя Патимат схватила Алину в охапку и прижала к своей мягкой, пахнувшей корицей и хлебом груди.

— Вся в маму, - прошептала она, отстраняясь и разглядывая племянницу. - Та же форма губ, тот же разрез глаз... А что это у тебя лицо бледное? Испугалась? Не слушай ты этих мужчин! У них всегда языки как бритвы, а сердца как камни.

Алина открыла рот, чтобы рассказать о Тимуре, но тётя уже тащила её к небольшому дому, виднеющемуся в конце улочки.

— Идём, идём, я тебе самсу с зеленью сделала, и чай с чабрецом. Ты ведь из города, небось, таких вкусностей не

пробовала. А завтра покажу тебе наши места - такие, что дух захватывает. Ты свои краски захватила?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.